

НЕКРОЛОГИ РОСТИСЛАВИЧАМ В ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

После смерти в 1167 г. Ростислава Мстиславича, князя смоленского и киевского, его сыновей, ставших, вместе с их ближайшими потомками, заметными фигурами в политической жизни южнорусских и западнорусских земель, летописцы стали называть «Ростиславичами»².

Поскольку определение «Ростиславичи» встречается в летописях разных центров, можно думать, что так их называли уже современники, жившие в разных княжествах и землях. Показательно, что впервые это определение обнаруживается в Новгородской первой летописи: сначала с именами братьев (6665 г.) — как общее отчество: «И тѣгда вѣнидоста Ростиславици, Святослав и Давыдъ»³, а потом и просто «Ростиславичи» — в известии о походе на Киев (1169 г.): «ходиша Ростиславици съ Андреевицимь и съ смоляны и съ полочыны и съ муромьци и съ рязаньци на Мьстислава Кыеву»⁴. В Ипатьевской летописи «Ростиславичи» начинают встречаться только с 1171 г. Последнее упоминание смоленских Ростиславичей обнаруживается под 1180 г. — годом смерти двух братьев — Мстислава и Романа. В живых к тому времени из пяти братьев остаются двое: Рюрик и Давыд.

М. Д. Приселков, обратив внимание на пространные некрологи сыновьям Ростислава Мстиславича, читающиеся в Ипатьевской летописи, выдвинул гипотезу о существовании «Семейной хроники Ростиславичей», сложившейся в период киевского княжения Рюрика [Приселков, с. 88–89]. При этом исследователь утверждал, что все они написаны по шаблону и не содержат реального биографического материала. Тем не менее тексты некрологов Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду Ростиславичам⁵, хотя и имеют повторяющиеся пассажи, обнаруживают и индивидуальное — в отношении описания летописцем внешности, нрава и жизни братьев. В каких-то случаях эти оценки не находят соответствия в сведениях летописных статей, касающихся деяний этих князей, но во многих случаях они подтверждаются. С точки зрения приобщения материала некрологов к реконструкции особенностей личности князей, их биографий важны даже традиционные формулы, ибо они сознательно использовались или опускались летописцами.

В качестве литературных нарративов некрологи Ростиславичам привлекались к изучению исследователями, обращавшимися к княжеским некрологам в целом. Так, в числе других некрологов Киевской летописи их рассматривал И. П. Еремин [Еремин], которым было отмечено, что летописные княжеские некрологи часто бывают соединены с рассказами о последних днях и преставлениях князей. Ученый констатировал влияние на летописные некрологи агиографических текстов (княжеских житий). И. П. Еремин делал допущение, что при закономерной идеализации князя некоторые детали характеристик князей «очень возможно, и соответствуют исторической действительности» [Еремин, с. 87].

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-04-00523).

² Н. Ф. Котляр характеризует это как «сборный термин», который показывает, что «эти князья стремились утвердить свое коллективное старейшинство (сюзеренитет) над южной Русской землей — древним ядром государства» [Котляр, с. 95]. Однако это не единственный подобный термин в летописании XII в. (как, впрочем, и в последующем). По-видимому, еще чаще употребляется «сборный термин» «Ольговичи», есть и другие примеры как устойчивого, так и эпизодического его использования.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 30.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Рюрику, умершему позже всех братьев (в 1212 г.), некролога написано не было. Он умер в Чернигове, где пребывал (не ясно, в каком статусе) после поражения от Ольговичей и утраты киевского стола.

Заключения, сходные с наблюдениями И. П. Еремина, сделал Я. Н. Щапов, анализируя нелетописную похвалу Ростиславу Мстиславичу на широком фоне похвальных текстов, посвященных князьям [Щапов]. В отношении же непосредственно некрологов («похвал») сыновьям Ростислава он повторил выводы М. Д. Приселкова.

В числе других посмертных похвал князьям привлекались некрологи Ростиславичам в работах А. А. Пауткина [Пауткин, с. 183–212], А. А. Турилова [Турилов] и др.

Непосредственно о некрологических текстах, посвященных смоленским князьям, была написана статья В. А. Мельничук [Мельничук]. В работе собран летописный материал о смоленских князьях XII в., сделан ряд наблюдений — относительно общих текстов в некрологах, их стилистическом сходстве. Однако в целом ход рассуждений автора страдает противоречивостью, а также обнаруживает ряд хронологических неточностей⁶ и сомнительных положений — как с филологической, так и с исторической точек зрения. В первую очередь, не определено, что автор считает некрологом. По-видимому, этот термин применяется В. А. Мельничук не только к собственно некрологической части статей, содержащих сообщения о смерти князя, но и к описанию его последних дней, молитвам, известиям о похоронах и оплакивании умершего. Неточны сравнения в портретных характеристиках братьев: по словам В. А. Мельничук относительно Романа Ростиславича, «по сравнению с братом Мстиславом в описание портрета добавлено “плечима велик”» [Мельничук, с. 19], на самом деле, портретные характеристики Мстислава и Романа вообще не имеют совпадений, кроме смыслового совпадения о красоте лица (Мстислав «лицемь лѣпъ», Роман «лицемь красенъ»). Нет оснований считать, что какой-то текст «добавлен» в характеристике Романа по сравнению с Мстиславом. Мстислав умер после брата, эта хронология сохраняется и в летописных статьях. Приводятся параллели с некрологами других князей, по большей части из Повести временных лет, но дословные совпадения не продемонстрированы. Непонятно, о каком «престолонаследии» ведет речь автор, говоря об утверждении его «порядка» в редакционной работе Моисея Выдубецкого (свод 1198 г.), и др.

В литературе отмечалось, что концовки «приложиса къ ѿцѣмъ ѿдавъ шбщии долгъ, егоже нѣсть оубѣжати всакому роженому», являются отличительной чертой некрологов Киевского свода конца XII в. вообще и, в свою очередь, были заимствованы из некролога Всеволода Ярославича, который «приблизиса (приложиса — *var*) ко шцѣмъ своимъ». Краткая формула — «приложивъса къ ѿцѣмъ своимъ» — представлена в Повести о преставлении отца Ростиславичей — Ростислава Мстиславича — и затем повторяется в развернутом виде в некрологах его сыновьям — Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду.

Рассмотренная выше формула, как неоднократно отмечалось в литературе, читается в рассказе о кончине Всеволода Святославича (Трубчевского) под 6704 г. Во всем остальном некролог ему не похож на посмертные похвалы Ростиславичам — ни в смысловом, ни в текстуальном отношении, кроме разве самого общего высказывания о том, что он «любовь имѣаше ко всимъ». Если в некрологах Ростиславичам прямо или косвенно подчеркивается единство братьев, то у черниговских Ольговичей такой картины не наблюдается, а Всеволод, можно сказать, противопоставляется остальным представителям династии. По словам летописца, он был «во Шлговичехъ . всихъ оудалѣе рожаемъ и воспитаемъ . и всею добротою . и можьственою⁷ доблестью»⁸. Этот пример побудил Д. С. Лихачева утверждать, что «индивидуальность князя, в летописном изображении, вырисовывалась из сравнения

⁶ Неверно указаны даты смерти Святослава Ростиславича, княжения Мстислава в Новгороде, первого похода на Киев, похода на Новгород и др.

⁷ так рукописи

⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 696 (далее ссылки на издание даются в тексте в скобках).

его с князьями его рода...». А далее ученый заключал: «Отсюда возникала возможность характеристики не только одного князя, но целой ветви княжеского дома», приводя высказывание летописца об Ольговичах: «скори бяхуть на пролитье крови» [Лихачев, с. 51–52]⁹.

Как будет показано далее, несмотря на общность некрологических текстов Ростиславичам, в них не формулируется их коллективная характеристика. Нет также оснований усматривать интенцию их составителя на некое их сравнение с целью ранжирования по какому-либо принципу.

В несколько измененном виде: «причтеса к дѣдомъ своимъ . и ко шцемъ своимъ» — завершающая фраза читается в известии о смерти Ростислава Берладнича. Таким образом, эту формулу можно приписать перу составителя Киевского свода 1198 г. и не рассматривать особо в контексте некрологов Ростиславичам. Текстуальных совпадений, как видно из приводимых далее текстов, и без нее в этих некрологах достаточно.

Полужирным шрифтом выделены чтения, общие для всех некрологов; подчеркнуты — совпадающие в ряде некрологов.

Святослав

сьи же блговѣрнии кнѣзь Ростиславичъ Сѣославъ бѣ оукрашенъ всакою добродѣтелью . и баше храборъ на рати . и любовь имѣаше ко всимъ . паче же млѣтни прилежаше . и **манастыри набда . и черныцѣ оутѣшиваа . и мирьскиа цркви набда и погы . и весь . стльскый чинь .** достойною чѣтью чташе . имѣаше дружину . и имѣна не щадаше не сбираше злата и **сребра . но даваше дружинѣ . шво же праваше дщи своей. приложиса къ шѣмъ шдавъ шбщии долъ .** егоже нѣсть оубѣжати всакому роженому (Стб. 550–551).

Роман

Сии же блговѣрнии кнѣзь Романъ бѣ **возрастомъ** вѣсокъ . плечима великъ . **лицемъ** красенъ . и **всею добродѣтелью оукрашенъ** . смиренъ кротокъ . незлобивъ . правдивъ . **любовь имѣаше ко всимъ** . и к братъи своей . истѣнноую нелицемерноую . страха Бжиа наполненъ . нищаа мироуа . **манастырѣ набда** . и созда цркъвь каменую сѣго . Іѡана . и оукрасивъ ю всакимъ строеньемъ цркъвнымъ . и **иконы златомъ** . и хиниптомъ **оукрашены** . памать здѣваа родоу своемуу . пече¹⁰ же и дщи своей шставление **грѣховъ** проса . и **приложиса к дѣдомъ своимъ . и шѣмъ своимъ . и шдавъ шбщии свои долъ .** егоже нѣ^с оубѣжати всакому роженому (Стб. 617).

Мстислав

Сии же блговѣрнии кнѣзь Мѣстиславъ . снѣ Ростиславль . **възра^астомъ** . середний бѣ . и **лицемъ лѣпъ и всею добродѣтелью . оукраше . и блгонравенъ . и любовь имаше ко всимъ** . паче же млѣтни прилежаше . **манастырѣ набда . чѣрныцѣ оутѣшиваа . и всѣ игоумены оутѣшиваа** и с любовью **приимаа . и взимаа оу нихъ блгословение . и мирьскиа цркви набда . и погы и весь стльскый чинь .** достойною чѣтью чѣта . бѣ бо крѣпокъ на рати . всегда бо **тоснашетъса** оумрети за Роускоюю землю . и за хрѣтяны... тако ш всего срѣца . бѣшетьса за штчиною свою . бѣ бо **любезнивъ на дружиною . и имѣния не щадашеть . и не сбирашеть злата ни сребра . но дааше дружинѣ своей . и (прило)¹¹ шво же праваше дщи своей . и приложиса къ шѣмъ своимъ . и дѣдомъ своимъ . шдавъ шбщии долъ** егоже нѣ^с оубѣжати всакому роженому . не бѣ бо тоѣ землѣ в Роуси котораа же его не хоташеть ни любашеть . но всегда бо **тоснашетъса на великаа дѣла** но престависа оунъ... (Стб. 610–612).

⁹ Иной пример, который мог быть здесь приведен, — это Похвала рязанским князьям, датирующаяся, правда, более поздним временем.

¹⁰ в списках X и П паче

¹¹ зачеркнуто

Давыд

се же блговѣрнѣи кнѣзь Дѣдъ . возростомъ бѣ среднии . шобразомъ лѣпъ . всею добродѣтелью оукрашенъ . блгонравенъ . хрѣтолюбивъ . любовь имѣа ко всимъ . шво же правашеть дѣи свои . и переже млѣтнѣи прележашеть . **манастира набда . и чернѣи оутѣшиваа . и вси игоуменѣи . с любовью приимаа . и взимаа оу нихъ блѣние . и мирьскѣи цркви набда . и всь сѣльскѣи чинѣи достоиноу чѣтью чѣта . бѣ бо крѣпокъ на рати всегда бо тоснашеться на великаа дѣла . злата и сребра не собираеть . но даеть дружинѣ . бѣ бо люба дружиноу а злыа кажна **ѣкоже подобаеть . црмь творити .** самъ бо саковъ шбѣчае имѣеть . по вса дѣи хода ко цркви сѣго архистратига Бжии Михаила . юже бѣ самъ создалъ . во кнаженѣи своемъ . такое же нѣ в полоунощной . и всимъ приходящимъ к ней дивитиса . израднѣи красотѣ еа **иконѣи златомъ . и жемчугомъ . и камениемъ драгимъ . оукрашенѣи и кончавъ млѣвоу воздѣвъ роуцѣи на нѣбо (. молашеса гла)**¹² . и предасть дѣио свою в роуцѣи¹³ Бжии . **приложиса ко шѣмъ своимъ . и дѣдомъ своимъ . шдавъ шбщии долгъ егоже нѣ оубѣжати всакому роженому . и быѣ кнажения его во Смоленскоу . ии . лѣтѣ . а всихъ лѣтѣи ш ржѣтва . љ . бес трехъ (Стб. 703—706).****

На первый взгляд, общих для всех четырех некрологов текстов немного. Кроме рассмотренной фразы, это начальные слова, свойственные подобным некрологам утверждения о добродетелях князя и его любви «ко всем», попечение о монастырях. Однако совпадений в трех и двух некрологах значительно больше.

Рассматривая некрологическую характеристику Всеволоду Ярославичу, Д. С. Лихачев утверждал, что в ней ничто «не вытекает из приводимых в летописи фактов... Это условное надгробное слово, отмечающее его христианские качества в момент, когда об этих качествах и необходимо было вспомнить» [Лихачев, с. 65]. Действительно, о христианских добродетелях усопшего уместно говорить над его могилой, но едва ли приведенная ученым характеристика Всеволода противоречит фактам, известным по летописи. Мы знаем, что под его патронатом находились Выдубецкий и Андреевский (Янчин) монастыри, Всеволод принимал участие в перенесении мощей свв. Бориса и Глеба и др. Кроме того, если процитировать не только начало текста, посвященного Всеволоду под годом его кончины, то окажется, что летописец позволил себе далее весьма критические высказывания о правлении этого князя в последние годы его жизни.

В летописных княжеских некрологах, как правило, отмечают традиционность «набора» положительных характеристик, которые, страдая определенной заданностью, не дают адекватного представления о том или ином князе. Однако А. А. Пауткин заметил, что в этих некрологических похвалах можно искать не только общее, но и индивидуальное, и в них «конкретность идет рука об руку с идеализацией» [Пауткин, с. 189].

А. А. Турилов, отмечая общность многих формулировок в некрологах Ростиславичам, справедливо трактует эту общность не просто как формальный шаблон, а предполагает, что такое «фрагментарное, “мозаичное” использование» характеристик идет в русле «парадигматической по своему типу литературы» [Турилов, с. 207]. Таким образом, это лишь набор «готовых текстов», из которых можно сложить достаточно различные образы правителей.

Как же соотносятся некрологические характеристики братьев с данными, которые можно извлечь из других известий той же Ипатьевской летописи?

Первый некролог — это некролог умершему в 1170 г. **Святославу** Ростиславичу, второму сыну Ростислава. Некролог ему является самым кратким и содержит все общие для некрологов Ростиславичей похвальные формулы. Князь «баше храборъ на рати» — формула, не везде присутствующая и словесно варьируемая. Святослав Ростиславич княжил в Новгороде, однако в период его юношества есть свидетельство о его геройском поведении на поле брани. В конце

¹² *зачеркнуто*

¹³ *так в рукописи, в X и II руци*

1154 — начале 1155 г. он сначала победил половцев под Переяславлем, а затем защитил в критической ситуации отца. Когда под Ростиславом пал конь, Святослав соскочил со своего и «заступи ѿца своего и поча са бити» (Стб. 475). Другой «воинский» эпизод биографии Святослава зафиксирован Новгородской первой летописью. Под 6672 г. повествуется о том, как Святослав с новгородцами пришел на помощь ладожанам, осаждаемым шведами. Шведы были полностью разбиты.

В Новгороде мирным его княжение назвать нельзя, по выражению Ипатьевской летописи, новгородцы «не добрѣ живаху» со Святославом (Стб. 528). Оказываясь заложником сложной и резко меняющейся политической ситуации, он несколько раз изгонялся новгородцами (в чем, разумеется, не был исключением среди других, правивших в Новгороде князей). Он и умер «на Волоцѣ (Ламском. — Е. К.) бѣ бо тогда воюя Новгородскую волость» (Стб. 550)¹⁴.

Краткость и малая индивидуальность некролога Святославу Ростиславичу в Ипатьевской летописи объясняется, по-видимому, тем, что он редко бывал в Южной Руси, к тому же не оставил потомства (по крайней мере, о его детях ничего не известно), которое обычно радеет о памяти предка.

Мстислав умер в 1180 г., будучи «оунѣ», хотя это замечание летописца скорее положительная характеристика, чем отражение его реальных лет¹⁵. Младший из Ростиславичей, он удостоился самой обширной похвалы, сопровождающейся, как и у всех братьев, кроме Святослава, подробным рассказом о его кончине¹⁶. В похвале есть описание внешности князя: «возрастомъ бѣ середний . шобразомъ лѣпъ». Говорится также, что он был «крѣпокъ» на рати и «всегда бо тоснашетъса на великаа дѣла» (Стб. 610). Последнее выражение, очевидно, заимствовано из предыдущей летописной статьи, где говорится, что он «всегда бо на великаа . дѣла тѣснаса» (Стб. 608). В некрологе же близкое выражение читается еще в его начале: «всегда бо тоснашетъса оумрети за Роускоюю землю . и за хрѣтыанъ». Из летописных записей о Мстиславе мы знаем, что его действия, слава бесстрашного полководца, наконец, присутствие его войск в решительные моменты развития событий играли значительную роль. Он обладал лидерскими качествами, был предан своему роду, смел и, если думать, что его монолог в ответ на приглашение новгородцев на стол отражает его реальные слова, представлял свои деяния как миссию: он призван «страдати ѿ всего срѣца . за шѣчино свою» (Стб. 607). О Мстиславе будет еще сказано далее.

Роман (умер в 1180 г.), видимо, имел выдающиеся внешние данные: «возрастомъ вѣсокъ . плечима великъ . лицемъ красенъ». Его характеристика наиболее индивидуальна. Он описан в некрологе как смиренный, кроткий, незлобивый и правдивый человек. Подобные качества другим Ростиславичам не приписываются. В значительной степени эти характеристики подтверждаются данными его летописной биографии. Он принимал участие не во всех военных кампаниях, где участвовали его братья. В 1171 г. не спешил занять киевский стол по «велению» Андрея Боголюбского, когда в Киеве сидел Владимир Мстиславич, который вокняжился там благодаря Ростиславичам. В Киев Роман отправился лишь после повторного обращения к нему Андрея Юрьевича — уже после смерти Владимира Мстиславича. В 1172 г. ушел с киевского стола в Смоленск по требованию Андрея Боголюбского, ибо был не только неконфликтен, но и «правдив», очевидно, считая, что, признав Андрея «старейшим», он должен выполнять его требования. Его братья считали иначе. В ответ на слова Андрея Боголюбского: «Романови

¹⁴ В связи с этим интересно заметить, что неподалеку от Волока Ламского — в Твери недавно найдена печать Святослава.

¹⁵ Как полагает Д. Домбровский, ему могло быть около 30 лет [Домбровский, с. 461—463]. Известно, что к этому времени он имел троих сыновей.

¹⁶ Е. Е. Голубинский перечисляет его в числе святых, которые почитались до Макарьевских соборов, а после них стали вноситься в месящесловы [Голубинский, с. 107—108].

не ходиши в моеи воли съ братьею своею . а поиди с Киева . а Дѣдъ ись Вышегорода . а Мьстиславъ, из Бѣлагограда . а то вы Смоленескъ . а темь са подѣлите» (Стб. 569–570) — они, не собираясь делить Смоленскую землю, захватывают Киев и сажают на киевский стол Рюрика Ростиславича.

Характерно, что о «крепости» (или «храбрости») Романа на рати в некрологе ничего не сказано. Зато в похвале только этому князю к повторяющимся во всех некрологах словам «любовь имѣаше ко всимъ» прибавлено: «и к братьи своеи. истѣнноую нелицемерноую». Вместе с тем, наряду с проявлениями братских чувств и готовности идти на помощь, в летописной информации о его действиях есть и другое. Пусть и против воли («нужею», летописец подчеркивает, что Роман «баше бо тогда в рукахъ» Андрея Боголюбского), в 1173 г. Роман посылает войска во главе с сыном на своих братьев, на которых организовал поход Андрей Юрьевич. Но если в этом случае он действует против братьев, подчиняясь требованию Андрея, то в другом он, напротив, демонстрирует разумную твердость и волю. Когда Мстиславу Ростиславичу вздумалось в начале 1180 г. пойти с новгородцами на Полоцк за обиды более чем столетней давности, нанесенные Новгороду полоцким князем Всеславом Брячиславичем, Роман послал военную помощь своему зятю, княжившему в Полоцке, а к Мстиславу отправил послов с твердым заявлением: «шбиды ти до него нѣтоуть . но же идеши на нь . то первое поити ть на ма» (Стб. 609). Мстислава такая позиция брата вздумала, и он отказался от своего замысла.

Хотя о **Давыде** (умер в 1197 г.¹⁷) сохранилось немало информации, только относительно него имеется указание на число прожитых им лет и лет княжения. Относительно лет княжения Н. Г. Бережков отмечал, что даты не дают возможности насчитать 18 лет, а показывают, что он «прокняжил неполных 17 лет». Здесь, как замечает исследователь, «летописец применил довольно обычный тогда способ определения хронологических промежутков: он взял полное число календарных годов, включая и год вокняжения и год смерти, — получилось 18 лет (6688–6705)» [Бережков, с. 208].

В целом обилие неясностей и недомолвок делает его летописный образ противоречивым. В некрологе он с точки зрения внешности характеризуется как средний ростом и «шбразомъ лѣпъ». Относительно же воинской доблести здесь звучит та же характеристика, что дана Мстиславу: «бѣ бо крѣпокъ на рати всегда бо тоснашетьса на великаа дѣла». Сказать, что летопись рисует Давыда выдающимся полководцем, трудно. Давыд с полками упоминается во многих военных походах, а в некоторых случаях рассказы эти весьма подробны. Например, таков рассказ о столкновении из-за полоцкого княжения Володаря Глебовича Минского и Всеслава Васильковича, княжившего в то время в Полоцке. Давыд Ростиславич, продолжая политику контроля над этими территориями, оказал военную помощь Всеславу. Однако победу он одержал в основном благодаря стихии — ночная буря вызвала панику в войсках неприятеля. Утром «побѣже Володаръ ѿ Витебьска», их преследовали Давыдовы воины, взяли в плен заблудившихся в лесу (Стб. 527). В другом случае, когда Рюрик и Давыд действуют заодно с Мстиславом Изяславичем и Мстислав собирает силы для похода на половцев, Рюрик идет в поход сам, а Давыд посылает «полкъ весь, а самомѹ ему несдравующю» (Стб. 539). В 1176 г. он со своими полками опоздал на соединение с родственниками, в результате именно на него пытались возложить вину за поражение от половцев под Ростовцем. В 1185 г. смольняне в походе стали вечем, заявив, что не пойдут далее, поскольку «оуже са есмь изнемоглѣ», и «Дѣдъ возвратиса шпать со Смолнаны» (Стб. 647).

¹⁷ В книге Д. Домбровского на с. 448 автор указывает 1196 г., ссылаясь на работы целого ряда исследователей. Однако и во всех указанных исследованиях, и в генеалогических таблицах той же книги самого Д. Домбровского значится 1197 г. Таким образом, нужно считать, что на вышеуказанной странице имеет место техническая опечатка (ср.: [Домбровский, с. 448, 813]).

Учитывая, что формула про великие дела, как было выяснено, взята из текста, связанного с Мстиславом, нужно считать, что в некролог Давыду она была перенесена из некролога младшему брату.

Относительно другой формулы, повторяющейся у Мстислава и Давыда, картина, видимо, обратная. Про обоих братьев говорится: «злыя кажна такоже подобаетъ . цѣрмь творити».

Что в этом отношении можно сказать о Мстиславе? Его позицию, согласно Ипатьевской летописи, Андрей Боголюбский считал определяющей во время конфликта с Ростиславичами, о нем в устах Андрея Юрьевича звучит: «в тобѣ стоять . все»¹⁸. Летописец же поясняет: «Мьстиславъ бо ѿ оуности навьклъ баше . не оуполошитиса никоѣ же . но токѣмо Бѣ единого блюстиса». Когда Андрей Боголюбский в гневе на то, что на киевском столе оказался не его брат, а Рюрик Ростиславич, отправил посла с заявлением: «ты же Рюриче поиди въ Смолньскъ . къ брату во свою шѣну а Двѣдвѣ рци а ты поиди въ Берладъ . а в Руськой земли не велю ти быти . а Мьстиславу молви в тобѣ стоять . все . а не велю ти в Руской землѣ быти», Мстислав приказал остричь послу-мечнику голову и бороду, считая обращение Андрея Юрьевича к Ростиславичам оскорбительным — как «къ подручнику и просту члѣву» (Стб. 573). Однако едва ли именно этот факт определен как «злыя казня». В остальном его действия, известные по летописям, не отмечены какой-то особой жесткостью по отношению к знатым людям.

В биографии же Давыда такой факт имеется. Правда, Ипатьевская летопись о нем молчит, информация содержится в Новгородской первой летописи (1186 г.): «Въстанъ бысть Смоленське промежи княземъ Давыдомъ и смолняны, и много головъ паде луцъшихъ мужъ»¹⁹. Сообщения о конфликтах Давыда со смолнянами встречаются и в различных статьях Ипатьевской летописи (но без упоминаний его карательных действий, как в вышеприведенном известии Новгородской первой летописи). Однако они отличаются краткостью и неясностью, что, в частности, побудило Ф. Мушара говорить о борьбе Давыда «с невидимым врагом» [Mouchard, p. 1118]. Так или иначе, в этом случае Давыд «поделился» примененной к нему формулой с младшим братом.

Рассмотренные некрологи, безусловно, создавались в кругу, близком Ростиславичам. Их кончины случились в течение 27 лет, то есть в принципе они могли быть составлены и по припоминаниям. Однако наблюдается тесная связь некрологов с повествованиями о преставлениях Ростиславичей. Последние же содержат фактические детали, которые едва ли могли держаться в памяти долгое время.

Сходство текстов некрологов может объясняться тем, что они оформлялись при завершении свода или его составляющей (от Ростиславичей)²⁰.

Так или иначе, анализ данных текстов показал, что «шаблонность» этих некрологов преувеличена и оценки, содержащиеся в этих посмертных панегириках, заслуживают внимания историков.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.
Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРА. Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

¹⁸ Характерно, что в Лаврентьевской летописи основным виновником неповиновения «старейшему» князю назван Давыд: «в то же лѣтѣ непокоршимса Ростиславичемъ князю Андрѣю . и в воли его не ходаци . Паче же Дѣдъ Ростиславичъ . Вышегородскыи князь . здумавъ с братьею своею . Приѣхавъ ночи противу свѣту г Києву . гать брата князя Андрѣя Всеволода . и Ростиславича Пропорка . и дружину ихъ . В то же лѣтѣ . слышавъ князь Андрѣи . гата брата свога . Дѣдомъ Ростиславичемъ . и братьею его...» (ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 365).

¹⁹ НПЛ. С. 38.

²⁰ Какова эта составляющая — тема отдельного исследования.

- Котляр Н. Ф. Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Мельничук В. А. Стилистическая инструментовка характеристик смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 14–21.
- Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Турилов А. А. Образ правителя в летописных «некрологах» XI–XIII вв. // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. Вып. 12. С. 195–209.
- Щапов Я. Н. «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу» как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 47–59.
- Mouchard F. Les Révoltés invisibles: le prince Davyd Rostislavich face aux troubles civils de Smolensk (1180–1197) // Revue des études slaves. Paris, 2012. LXXXIII/4. P. 1107–1118.